

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ В ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

WOMAN AND FAMILY IN THE HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL ASPECT

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408>

EDN: KTLXJJ

Образ женщины в периодической печати Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Резюме. Казанская губерния отличалась этноконфессиональным разнообразием и историческими традициями, развитой университетской культурой. Важное место в общественной жизни занимали газеты, в том числе коммерческого характера. В начале XX в. среди редакторов и издателей казанских газет были и женщины. Историографический обзор показал, что материалы местной периодической печати становились предметом изучения казанских исследователей, в том числе при реконструкции некоторых аспектов женской повседневности. Однако специального труда, посвященного изучению облика женщин на страницах периодических изданий Казанской губернии, не существует. Между тем обращение к данной теме позволяет увидеть процессы трансформации социальных ролей женщин как результат модернизации общества на рубеже XIX–XX столетий. В связи с этим целью данного исследования является изучение образа женщины в периодической печати Казанской губернии. Для этого были проанализированы материалы газет «Казанский биржевой листок», «Казанский телеграф», «Волжский вестник», «Камско-Волжская речь» и других изданий. Рассмотрены как авторские материалы, так анонимные корреспонденции, хроники происшествий, объявления и реклама. На базе данных провинциальной печати были выделены разные виды женских практик и обозначены несколько тематических групп. В каждом из них выстраивался определенный образ женщины (дама, работница, мусульманка, борец за свои права и др.). Авторы приходят к выводу, что представленный в газетах образ женщины был противоречивым: с одной стороны, привязан к её социальному происхождению, с другой, буржуазное развитие общества нивелировало этноконфессиональные и сословные границы. Суще-

вавшие различия маркировались по внешним признакам. Статья предназначена для специалистов-историков и всех, кто интересуется историей Российской империи, историей повседневности, женской эмансипации.

Ключевые слова: Казанская губерния, история повседневности, гендерные исследования, «женский вопрос», мусульмане, татарки.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. Образ женщины в периодической печати Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 385–408. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408> EDN: KTLXJJ

Финансирование. Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

The image of women in the periodical press of the Kazan province at the turn of the 19th–20th centuries

L.R. Gabdrafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru

E.V. Mironova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
Yelena.Mironova@yandex.ru

Abstract. Kazan province was distinguished by its ethnic and religious diversity, historical traditions, and well-developed university culture. Newspapers, including those of a commercial nature, occupied an important place in public life. At the beginning of the 20th century, there were women among the editors and publishers of Kazan newspapers. A historiographical review showed that the materials of the local periodical press became the subject of study by Kazan researchers, including in the reconstruction of some aspects of women's daily life. However, there is no special work devoted to the study of the appearance of women on the pages of periodicals of the Kazan province. Meanwhile, addressing this topic allows us to see the processes of transformation of women's social roles as a result of the modernization of society at the turn of the 19th – 20th centuries. In this regard, the purpose of this study is to study the image of a woman in the periodical press of the Kazan province. For this purpose, the materials of the newspapers *Kazansky Birzhevoy Listok*, *Kazansky Telegraph*, *Volzhsky Vestnik*, *Kamsko-Volzhskaya Rech* and other publications were analyzed. Both author's materials and anonymous correspondence, chronicles of incidents, advertisements and advertisements are considered. Different types of women's practices were identified and several thematic groups were identified on the provincial press database. In each of them, a certain image of a woman was developed (a lady, a worker, a Muslim, a fighter for her rights, etc.). The authors conclude that the image of a woman presented in the newspapers was contradictory: on the one hand, it was tied to her social origin, on the other, the bourgeois development of society leveled ethno-

confessional and class boundaries. The differences that existed were marked by external signs. The article is intended for historians and anyone interested in the history of the Russian Empire, the history of everyday life, and women's emancipation.

Keywords: Kazan province, history of everyday life, gender studies, "women's question", Muslims, Tatar women

For citation: Gabdrafikova L.R., Mironova E.V. (2025) The image of women in the periodical press of the Kazan province at the turn of the 19th–20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 385–408. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408> (In Russ.)

Financial support. The study was carried out using a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

На рубеже XIX–XX вв. газеты занимали одно из ведущих мест в информационном пространстве, в том числе в российской провинции. Со второй половины XIX в. в Казанской губернии наблюдался рост количества газет: к концу столетия выходило 12 периодических изданий различной специализации, освещавших широкий круг вопросов жизни местного населения (Айнутдинов, Гилязов, 2016: 7). Казанская губерния отличалась этноконфессиональным разнообразием и историческими традициями, развитой университетской культурой (Казанский университет работал с 1804 г.). Показательно, что в губернском городе с конца XIX в. выходили и частные газеты: «Казанский биржевой листок», «Волжский вестник», «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь». Газеты формировали «общественное мнение», являлись отражением отдельных настроений. С либерализацией законодательных норм в 1905 г. и упрощением порядка приобретения издательского права появилась возможность для выпуска периодической печати на татарском языке и языках других народов Поволжья¹.

В составе населения Казанской губернии женщины составляли примерно половину (по переписи населения 1897 г. – женщины – 1111277 (51%), мужчины – 1059388 (49%)) (Первая всеобщая..., 1904: 8). При этом в городах, из-за притока отходников, они могли составлять и меньшинство. Например, по данным 1904 г., собранным полицмейстером П.Б. Панфиловым, в Казани проживало 84 295 мужчин и 77 270 женщин (Амирханов, 2004: 31). Вместе с тем в общественной жизни женщинам отводилось второстепенное место, хотя они встречались даже в числе издателей и редакторов казанских газет (например, А.Г. Ильяшенко – «Казанский телеграф»; А.А. Знаменская, Л.П. Рейнгард,

¹ Всего до 1917 г. в России выходило 62 газеты на татарском языке, из них около 20 периодических изданий в Казани. Наиболее стабильно выходили газеты «Юлдуз» в Казани (с 1906 по 1917 г.), а также «Кояш», «Баянель-хак». Кроме того, в 1906–1907 гг. в Казани издавалась чувашская газета «Хыпар» и «Марла календарь» (1907–1913 гг.) на марийском языке.

А.А. Себякина (ред.) – «Волжский вестник») (ГАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 19. Л. 1; Ф. 41. Оп. 2. Д. 2205. Л. 1; Ф. 390. Оп. 2. Д. 366. Л. 1; Ф. 390. Оп. 2. Д. 477. Л. 1).

Как известно, в обозначенный период становится актуальным «женский вопрос». Появляются отдельные женские издания. Например, в татарских газетах были специальные «женские страницы», а с 1913 г. в Казани выходил женский журнал «Сююмбике» на татарском языке. В условиях таких перемен как представлялась жизнь женщин Казанской губернии в местной печати? Как в ней отражался опыт женщин разных конфессий?

Периодическая печать Казанской губернии неоднократно становилась предметом научного изучения (Абдуллин, 1988; Алексеев, 2009; Айнутдинов, Гиразев, 2016). Однако исследователи практически не обращаются к материалам газет с точки зрения истории женской повседневности. Они используются лишь как дополнительные источники в освещении некоторых сюжетов. Например, роль средств массовой информации в проведении Дней белого цветка в Казани и взаимодействие «Камско-Волжской речи» с ученицами женских школ города во время этой благотворительной работы (Ежова, 2019). Есть попытки реконструкции досуговой повседневности горожанок Казанской губернии с опорой на материалы прессы (Шабалина, 2024), но вопрос требует дальнейшего изучения. Пожалуй, исключением являются вопросы, касающиеся татарских газет и журналов в контексте «женского вопроса», т.к. есть даже отдельный сборник материалов по данной теме (Мортазина, Зиннэтуллина, 2020). Материалы газет представлены в сборнике по истории Казани XX в. (Амирханов, 2004).

Целью нашего исследования является изучение образа женщины в русскоязычной периодической печати Казанской губернии. Для этого нами был проведен анализ материалов таких газет, как «Казанский биржевой листок», «Казанский телеграф», «Волжский листок», «Камско-Волжская речь». Все они издавались в Казани в разное время.

«Казанский биржевой листок» (выпускался с 1868 по 1892 гг.) был связан с деятельностью Казанской купеческой торговой биржи. Основная тематика публикаций отражала интересы торгово-промышленных кругов. Редакторами в разные годы служили А.К. Чугунов, А.И. Миропольский, М.В. Ключников, Н.Я. Агафонов, Н.А. Ильяшенко, С.А. Гисси (Амирханов, 2004: 236).

«Казанский телеграф» представлял собой одно из крупнейших провинциальных изданий конца XIX – начала XX в. Газету с 1893 г. выпускали супруги Н.А. и А.Г. Ильяшенко. Николай Алексеевич родился в Киевской губернии. За увлечение революционными идеями он был выслан в Вятскую губернию. Позднее его перевели в Казань, где находился под надзором полиции. Здесь он начал журналистскую, затем редакторскую деятельность и даже стал издавать собственную газету. В развитии газеты «Казанский телеграф» ему помогала супруга, дочь первого директора Казанского учительского института, Александра Григорьевна Ильяшенко (в девичестве – Парамонова). На страницах газеты был опубликован ряд фельетонов и стихотворений ее авторства. Редакция газе-

ты старалась быть объективной и давала слово представителям всех разрешенных политических взглядов. В 1905–1917 гг. в газете «Казанский телеграф» публиковались, главным образом, материалы монархического толка (Алексеев, 2009).

«Волжский вестник» издавался с 1884 по 1904 гг., после некоторого перерыва выходил в 1905–1906 гг. Газета затрагивала острые общественно-политические и экономические вопросы. «Волжский листок», выходявший в 1904–1909 гг., отчасти продолжал традиции «Волжского вестника». Издателей и редакторов этих изданий неоднократно привлекали к ответственности, штрафовали. Среди казанских авторов газеты были учёные и поэты прогрессивных взглядов П.Л. Драверт, А.И. Елистратов, Н.П. Загоскин, В.А. Перимов, Л.И. Пономарев, П.И. Эмдин, Н.Н. Фирсов (Амирханов, 2004: 237).

Общественно-политическая и литературная газета либерально-демократического направления «Камско-Волжская речь» издавалась в 1908–1917 гг. Редакторами являлись А.Ф. Музовский, М.М. Шерстенников. С газетой сотрудничали члены казанского комитета кадетской партии Г.Ф. Шершеневич, П.А. Дубровин (Насыров, 2006).

Стоит отметить, что нами рассматривались не только авторские фельетоны и заметки, где особенно активно прослеживались идеи женской эмансипации, но и анонимные корреспонденции, хроники происшествий, рекламный блок. Такие второстепенные материалы имели либо коммерческий характер и не наделались особой идеологической нагрузкой, либо преследовали скорее развлекательные задачи (например, хроники). Однако по ним тоже можно проследить жизнь женщин разных социальных групп, в том числе их общественную оценку. Всё это помогает сформулировать виды женских практик, представляемых провинциальной периодической печатью. Анализ газетных материалов позволил нам выделить несколько тематических групп с материалами, прямо или косвенно касающимися женщин. В каждом из них выстраивался определенный образ женщины.

Женщина-модница

В коммерческих газетах было много материалов рекламного характера. Женщины были целевой аудиторией продавцов товаров и услуг. В этот период в лексикон разных слоев общества входит слово «мода». Любопытно, что оно встречалось даже в татарском языке. Например, просветитель Р.Ф. Фахреддин в книге нравоучительной тематики, изданной впервые в 1903 г., советовал молодежи не увлекаться модой (Фэхреддин, 2006: 114). Тем не менее, городская мода эпохи модерна не имела этнических, конфессиональных или сословных различий, а формировала единое буржуазное сообщество. В газетах Казани регулярно печатались объявления о магазинах дамских товаров и об их ассортименте. Они были рассчитаны на состоятельных покупательниц. «Корсеты, кружева, ленты и пр. бархотки», «всевозможные зонты, цветы, перчатки», «тюль, газ, креп, вуали» и многое другое, например, предлагал в 1900 г. в магазине на По-

повой горе в Казани Х.Х. Тагиров (Казанский телеграф, 1900, 25 марта). В 1912 г. «Камско-Волжская речь» разместила рекламу казанского магазина Товарищества «Засыпкин и Дикунов» на Проломной улице, в арендованном доме Шамяля, где предлагали меха для дамских шуб; на Воскресенской улице работал «магазин мод Победоносцевой» с товарами для рукоделия (шерсть, пряжа) и готовыми изделиями; напротив Университета в магазине В.А. Брайловского имелся «громадный выбор длинных перчаток» (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). Сообщали газеты и о предстоящих поступлениях. Для казанских модниц, очевидно, образцом подражания оставались столичные или заграничные города («владелица магазинов дамских мод «Безансон» выехала в Париж за покупкой...») (Камско-Волжская..., 1912, 24 января). Нередко сами женщины были владелицами магазинов.

Различные курсы по обучению кройке и шитью, ремесленные мастерские тоже были результатом развития городской моды (прежде всего, женской). Появились специальные названия для отдельных профессий: модистка, корсажница. Последние, например, могли работать на дому. Оплату они получали либо фиксированную за месяц, либо «поштучно» (за изделие) (Камско-Волжская речь, 1913, 7 мая). В Казани в начале XX в. работали школы кройки и шитья А.С. Захаровой-Потанихиной (мастерская школы находилась на одной из главных улиц города – Воскресенской), Е.Н. Рышкиной и Р.П. Гринк, школа при корсетной мастерской Е.К. Мелиссовой. Последняя мастерская работала во дворе Пассажа Черноярлова (Камско-Волжская..., 1913, 12 января). Аналогичные «модные мастерские» открывались и в уездных городах. Например, в Чебоксарах работала мастерская Холмской (Камско-Волжская..., 1913, 4 января). С другой стороны, эти мастерские были направлены на развитие женской эмансипации и обеспечение женщин из бедных слоев населения востребованным ремеслом. Для активисток движения образцом подражания, вероятно, была героиня романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна. Произведение, написанное еще в начале 1860-х гг., до 1905 г. было под запретом. Очевидно, официальная публикация романа в 1906 г. актуализировала и его идеи. Например, в 1912 г. в школе кройки и шитья А.С. Захаровой-Потанихиной велось «преподавание по упрощенной методе, одинаково доступной для грамотных и малограмотных, взрослых и подростков». Ученицы принимались круглый год (Камско-Волжская..., 1912, 4 января).

Ориентир на дамскую моду, особенно в рекламных материалах провинциальной печати, был созвучен с направленностью столичных дамских периодических изданий, где основное внимание уделялось женским нарядам. Несмотря на то, что городская мода стремительно распространялась и охватывала разные социальные группы, она оставалась предметом критики. Например, в декабре 1914 г. «Камско-Волжская речь» перепечатала сообщение из «Биржевого листка» под названием «Война и мода». В статье говорилось о сокращении модных заграничных поставок и бедном ассортименте дамских товаров, об увеличении количества безработных мастериц. В то же время выражалась надежда, что да-

мы перестанут быть «рабынями моды», станут одеваться проще и может быть, благодаря войне, начнут меньше считаться «с предписаниями издателей модных журналов и аппетитами фабрикантов модных материй» (Камско-Волжская..., 1914, 7 декабря).

Женщина в трудовой сфере

Газетные объявления являются яркой иллюстрацией женской трудовой занятости и источников дохода. Но работа, на которую претендовали провинциальные женщины на рубеже XIX–XX вв., чаще всего была низкоквалифицированной. Например, в газетах постоянно публиковались короткие объявления о желании устроиться прислугой, кухаркой, горничными, нянями, экономкой, «кассиршей по хозяйству». Женщины готовы были даже на переезд. Иногда подчеркивалось, что имеется рекомендация (Камско-Волжская..., 1912, 4 января) или акцентировалось внимание на других качествах кандидатов (например, кухарка писала, что она «честная и трезвая», а няня – «пожилая», «из благородного семейства» (Камско-Волжская..., 1913, 12 января).

В начале XX в. в вопросах трудоустройства наиболее уязвимой социальной группы содействовало казанское «Общество защиты женщин». Оно размещалось в Профессорском переулке и организовало Бюро по найму прислуги (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). Кроме того, женщины традиционно были задействованы в уходе за больными; кто-то желал найти место «компаньонки», т.е. для сопровождения в поездках и т.д. Женщины искали временную работу (например, на лето) и часто были согласны на «небольшое вознаграждение» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Газетные разделы о хрониках происшествий открывали другую сторону трудовой деятельности женской прислуги. Особняком стояли их разбирательства с бывшими хозяевами. В таких случаях не всегда можно было распознать мотивы обеих сторон. Например, крестьянку С. Санникову обвинили в краже золотых и серебряных вещей у своего хозяина Г.Я. Кревера. Она работала у него прислугой в Казани. Вину свою девушка не признала. Интересен стиль подачи речи обвиняемой: «Нет! – бойко отвечала Санникова. Я не воровала. Известно, прислуга всегда в кухне живет, ну вот и я также. Стала однажды прибирать... Взяла кулек с костями, а оттуда и выпала бумажечка... квитанция из ломбарда... Я как ушла от них все и выкупила...».

В итоге, бывшую прислугу приговорили к тюремному заключению на 6 месяцев (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). В том же 1912 г. был описан еще один случай. «Молодая деревенская девица Храмова» требовала от бывшей хозяйки Пахитоновой свой паспорт и 3 руб. жалованья. Дело дошло до суда. Ответчица вернула паспорт, а выплачивать жалованье отказалась, обвинив служанку в краже. По этому поводу корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» отмечал, что для прекращения «постоянных недоразумений хозяев с прислугой» пора бы уже ввести расчётные книги (как у фабрично-заводских рабочих) и для прислуги (Камско-Волжская..., 1912, 13 января).

Нередко героями материалов печати становились работники фабрик и заводов. В основном, это были заметки в контексте т.н. «рабочего вопроса», т.е. когда описывалось трудное положение работниц и безразличие хозяев к их проблемам. Таких публикаций было особенно много в период первой русской революции, когда в Казани появилась масса новых газет, в том числе социалистической направленности. Например, этим отличалась газета «Волжский листок», где выходили заметки об условиях труда в казанских предприятиях Алафузова (текстильное производство) и Крестовниковых (химическое производство). Так в 1905 г. газета рассказала о молодой работнице Алафузовской фабрики, получившей серьезную производственную травму («повреждение руки и ноги»). После несчастного случая она осталась инвалидом, а выдаваемая предприятием пенсия, по мнению редакции, была очень скромной и не покрывала всех расходов (Амирханов, 2004: 39).

А так представлялась работница стеариново-мыловаренного завода Крестовниковых: «...отсутствие вентиляции, запах сала, пары кислот, продукты варки сала, все это, особенно на женщин влияет так пагубно, что встретить здоровую, не испитую и не изможденную работницу невозможно. К сорока годам эти труженицы совершенно теряют трудоспособность» (Волжский вестник, 1905, 10 ноября).

По традиции на фабрично-заводских предприятиях женский труд оценивался дешевле, чем мужской. Например, у Крестовниковых в зимнее время (в не сезон) мужчинам платили 4 руб. 50 коп., женщинам – 2 руб. 50 коп. в месяц. Питание и проживание было за счет работодателя (Амирханов, 2004: 40). По мнению редакции газеты, условия оставляли желать лучшего. Лишь летом, в сезон, женщина могла заработать на заводе до 14 руб. в месяц. Дополнял образ работницы её склонность к алкоголизму. «Волжский листок» обвинял в этом работодателей, открывших рядом с заводами и фабриками питейные заведения (Амирханов, 2004: 41).

Одной из специализаций Алафузовских предприятий на рубеже XIX–XX вв. было шитье военного обмундирования. Для этого привлекались и дистанционные работницы («надомницы»). Они брали материалы, работали дома, сдавали работодателю готовые изделия. Примерно по такой же схеме, но со своими материалами, работали и татарки в Казани, промышленявшие шитьем национальных головных уборов, изготовлением традиционной узорной кожаной обуви («ичиги»). Эти мастерицы упоминались и в казанской прессе. Готовые изделия женщины сдавали торговцам, имевшим лавки на Сенном базаре. Как подчеркивал «Казанский телеграф», «алчные мусульмане-торговцы» покупают товары за копейки, «но плату выдают не деньгами, а товаром, цены на которые завышены вдвое. Женщины тут же за половину цены продают их, чтобы на выручку купить хлеб» (Казанский телеграф, 1893, 17 ноября).

Немного большей квалификации требовала работа продавщиц или учительниц. Интересно, что в рекламе порой подчеркивалось иностранное происхождение учительниц: «дама-француженка», «опытная молодая учительница-

немка», «немка, опытная преподавательница (бывшая учительница гимназии)», «француженка с дипломом». Эта мода на гувернанток-иностранок прослеживалась еще с рубежа XVIII–XIX вв. Кроме того, очевидно, такие помощницы нужны были и как переводчицы при выезде хозяев за границу. Поэтому иногда это указывалось и в объявлениях: «согласна сопровождать семейство за границу» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Среди рекламодателей были женщины-стоматологи, акушерки, массажистки. Так, в 1895 г. казанский зубной врач Э.Л. Цыпкина сообщала, что принимает больных в центральной части города (ул. Лобачевского) ежедневно от 10 часов утра до 4 часов дня (Казанский телеграф, 1895, 2 апреля). Отдельной группой медицинских работников были акушерки, принимавшие анонимные роды. Именно их рекламу чаще всего можно было встретить в газетах. Так, в «Казанском телеграфе» в том же году имелась реклама частного родовспомогательного приюта акушерки О.В. Аполчиной (Казанский телеграф, 1895, 7 апреля). В 1913 г. анонимная акушерка-массажистка «предлагала сопровождать больных Кавказ, Крым или на кумыс». Адресом для связи с ней были указаны номера «Болгар» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

В 1910-е годы среди рекламных объявлений, помимо зубных врачей и акушеров, можно было встретить имена женщин-врачей, оказывающих разные медицинские услуги. Например, в 1912 г. на Большой Проломной улице вели частную практику женщины-врачи С.С. Надель-Пружанская, В.Д. Черноярова (Камско-Волжская..., 1912, 8 января). По сравнению с 1895 г. к 1912–1913 гг. немного увеличилась газетная реклама зубных врачей. Например, имелись объявления стоматологов Э.Л. Цыпкиной, А.А. Балоновой, М.Г. Миркиной, К.А. Смирновой. Все они работали в районе улиц Б. Проломной, Воскресенской. Продолжали рекламировать свои услуги акушерки (М.А. Батыр-Нехотяева, Канищева, Лазарева, Аполчина) (Камско-Волжская..., 1912, 4 января; Камско-Волжская..., 1913, 12 января). К этому времени в Казани работала и частная фельдшерско-акушерская школа (с правами правительственных школ) под началом доктора В.А. Бузунова. Фельдшерско-акушерский курс составлял 4 года, фельдшерский – 3, акушерки 1 разряда обучались 2 года. В 1913 г. обучение в данной частной школе стоило 100 руб. в год (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая), что могли себе позволить лишь семьи среднего достатка.

Рекламные объявления показывают появление новых профессий для женщин. Это работа машинисткой, т.е. набор текстов на печатной машинке. В одном из объявлений в 1913 г. «опытная машинистка» сообщала, что «берет переписку на ремингтоне». При этом она была связана с издателями газеты, т.к. для связи с ней были указаны определенные часы приема в редакции «Камско-Волжской речи» (Камско-Волжская..., 1913, 12 января). В другом номере той же газеты появилась информация о том, что «класс обучения и переписки на пишущих машинках (разн. сист.) Л.С. Сунгуровой переведен в 1 Гору, д. Львовой». Плата за обучение составляла 7 руб., при этом же классе были открыты занятия по бухгалтерии (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Новым явлением стало привлечение женщин в сферу сельского хозяйства в качестве агрономов. В 1912 г. была опубликована заметка о курсистках-практикантках кружка общественной агрономии Стебутовских курсов в Петербурге, в которой Комиссия по организации летней практики кружка просила уездные земские управы Казанской губернии предоставить на лето слушательницам места помощников агрономов, инструкторов, практикантов и других должности (Камско-Волжская..., 1912, 25 января).

К этому времени намечается тенденция по объединению разных организаций, в том числе в сфере трудоустройства. Например, имелось Бюро для приискания занятий слушательницам Высших женских курсов. Его рекламное объявление сообщало в 1912–1913 гг. о том, что «слушательницы предлагают: давать уроки, репетировать, быть чтицами, исполнять письменные работы, участвовать в церковных хорах». Своих клиенток Бюро рекомендовало клиентам как «опытных учительниц, репетиторш, гувернанток, бонн, чтиц, переписчиц». Любопытно, что речь шла не только о денежном вознаграждении, слушательницы готовы были работать за «стол» (питание) или «квартиру» (жилье) (Камско-Волжская..., 1913, 12 января).

Женщина и социальная девиация

Хроники различных происшествий были постоянной составляющей провинциальных газет. Под такие материалы выделялись специальные рубрики. Героинями публикаций были женщины разных сословий и конфессий. Например, дочери, жены купцов, дворян, их вдовы часто выступали собственниками разного движимого и недвижимого имущества, они являлись активными субъектами экономических и правовых отношений. Последнее обстоятельство находило отражение в периодической печати, если владелицы заявляли о потере или порче своего имущества (Казанский телеграф, 1900, 15 июня). Нередко встречались судебные споры между наследниками (Казанский биржевой..., 1892, 31 января).

Но в хрониках чаще всего давались описания фактов социальной девиации (кражи, покушение на самоубийство, брошенные дети, нелегальная торговля и т.д.). Источником информации, как правило, выступали судебные органы власти. Встречались дела об убийствах. Например, газета «Казанский биржевой листок» в 1890 г. привела случай Хадинисы Габитовой, обвиняемой в убийстве мужа. Соучастниками дела проходили её приемные дети-подростки (сын и дочь). В зале Казанского окружного суда сообщили, что «покойный тиранил жену и своих детей от другой жены», «бил, выгонял из дому, а сам в это время пьянствовал». Когда отец семейства в очередной раз выгнал их, жена вручила пасынку веревку. Присяжные оправдали жену и дочь, а сына признали виновным (Казанский биржевой..., 1890, 6 ноября).

Покушения на самоубийства фиксировались, в основном, в рабочих и крестьянских семьях. Причем если в сельской местности это были девочки-подростки (15–18 лет) (Камско-Волжская..., 1912, 15 января), то в городе пыта-

лись покончить с жизнью молодые женщины (20–32 лет) рабочих профессий (портнихи, прачки). В некоторых случаях причиной подобных настроений среди городских женщин был алкоголизм (Камско-Волжская..., 1912, 22 января). Появлялись газетные сообщения о покушении на самоубийство известных женщин. Например, в 1912 г. в «Камско-Волжской речи» был материал об артистке Большого театра, партнерше Ф. Шаляпина, оперной певице Е.Н. Хренниковой (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Женщины из мещанской среды нередко становились фигурантками судебных дел из-за нелегальной торговли алкоголем. Например, 20 января 1912 г. мировой судья 5-го участка г. Казани оштрафовал (с заменой штрафа на 2–3-х дневный арест) за торговлю водкой двух жительниц Адмиралтейской слободы Анастасию Лещатову и Кочетову. Вероятно, они не были в состоянии выплатить штраф. В тот же период за торговлю водкой была приговорена к 4 месяцам тюремного заключения Евдокия Горшенева – владелица пивной лавки на Устье (Камско-Волжская..., 1912, 22 января).

Женский алкоголизм способствовал разным формам социальной девиации. Например, с ним связывались дела о воровстве. В январе 1912 г. две девицы 23–24 лет Ф.И. Малышева и Е.В. Шегалева обвинялись в краже белья со двора дома на Проломной улице Казани. В суде девушки объяснялись, что они были пьяны. Девушки были заключены в тюрьму на 3 месяца. Дела о хищениях были частыми в практике мировых судей.

Регулярно в хрониках происшествий публиковались сообщения о «тайных притонах разврата» и связанных с ним случаях. Обычно на такие дома или квартиры указывали соседи, после этого туда направлялась полиция. Так, в 1894–1895 гг. газеты в красках описывали нелегальные публичные дома на Варламовской, Рыбнорядской улицах г. Казани. «Волжский вестник» писал о «вертепе» в квартире Галиакберова, где «на полу валялась полунагая женщина в бесчувственно пьяном состоянии – одна из жертв легкой наживы содержателя этого притона». На время полицейского визита еще три пьяные женщины были заперты в подвале. Галиакберов был приговорен к аресту сроком на 1 месяц (Волжский вестник, 1894, 3 августа). «Казанский телеграф» сообщал об аналогичном случае по другому адресу, где «весь дом был наполнен проститутками, занимающимися тайно своим ремеслом» (Казанский телеграф, 1895, 14 апреля). Вместе с тем, государство само способствовало развитию такого вида «услуг». Например, в газетах печатались официальные сообщения о «домах терпимости» без оценочных суждений. Так, «Казанский биржевой листок» в 1887 г. сообщал, что в Казани имеется до 30 легальных домов терпимости, в которых трудилось около 250 человек. «Число проституток-одинок не приведено в известность, но оно в несколько раз превышает число женщин, живущих в публичных домах», – заключала газета (Казанский биржевой..., 1887, 10 января).

Газеты порой проливали свет на предысторию таких публичных женщин. В 1900 г. «Казанский телеграф» познакомил читателей с историей 17-летней казанской мещанки Б.-С. Латыповой, которую обманным путем вывезли в другой

город для работы в «притон разврата». Женщина-посредница аферы была описана газетой как «солидная мусульманская дама», входящая в «хорошие дома». Родители обманутой девушки искали её с помощью полиции (Казанский телеграф, 1900, 30 января). В хрониках происшествий появлялись сообщения и о других пропавших девушках. Например, в январе 1913 г. в уездном городе Чебоксары искали без вести пропавшую ученицу модной мастерской Холмской Елизавету Косолапову. «Отпросившись у своей хозяйки к родным, она пробыла там недолго, ушла и не вернулась к хозяйке, – говорилось в сообщении. – Розыски ее пока не привели ни к каким результатам» (Камско-Волжская..., 1913, 4 января).

Женщина как борец за свои права

В рассматриваемый период одним из самых волнующих был «женский вопрос». Газеты периодически печатали материалы об отсутствии у женщин определенных прав. Особенно это было актуально для профессиональной среды, а чаще всего заявляли о своих правах женщины-врачи. В провинциальной прессе по этому поводу могли перепечатываться статьи из других периодических изданий. Например, «Казанский биржевой листок» в 1887 г. приводил материалы немецкой газеты «National Zeitung», где критиковалось европейское отношение к женщинам-врачам и ограничения их прав, при этом высоко оценивалась ситуация в Америке, где врачам женского пола предоставлялось больше возможностей для профессионального роста (Казанский биржевой..., 1887, 19 июля). В газете «Казанский телеграф» в 1895 г. была опубликована статья «К правам женщин-врачей», где приводилось мнение доктора Жбанкова о необходимости предоставления выпускникам медицинских факультетов заграничных университетов более широких прав в России. На тот момент они имели право ходатайствовать о предоставлении им права врачебной практики только в тех губерниях, в которых они на тот момент проживали (Казанский телеграф, 1895, 9 апреля). Это ограничивало мобильность женщин-врачей.

Встречались и локальные материалы, которые были созвучны с указанной проблемой. В нескольких номерах «Казанского биржевого листка» в 1887 г. выходили заметки о женщине-враче Е.И. Карасинской, работавшей в Казани и завоевавшей доверие множества пациентов. Она рано умерла, и газета напечатала материалы в связи с её скоропостижной кончиной. В некрологе биография женщины-врача Карасинской-Троицкой была подана как пример постоянной борьбы за женские права. Ей отказывали в трудоустройстве, предлагали компромиссные варианты (например, устроиться официально фельдшерницей, а выполнять фактически обязанности врача), но она настаивала на своем (Казанский биржевой..., 1887, 23 апреля; Казанский биржевой..., 1887, 2 мая). Чуть позднее газета привела случай женщины-врача А.Г. Косс из Мамадыша, которой гласные земского собрания урезали жалованье, «так как женский труд везде и во всех делах цениться много дешевле мужского». При этом если 60% гласных проголосовали «за», то 40% были все-таки «против». Отмечалось, что женщи-

на-врач Косс пять лет служила в этом уезде и «добросовестным исполнением своих обязанностей весьма лестно зарекомендовала себя», успевая обслуживать не только больных своего участка, но при необходимости еще двух (Казанский биржевой..., 1891, 11 октября). В материале не было голоса самой женщины-врача.

Очевидно, из-за постоянных случаев ущемления женских прав в обществе возникла потребность в самоорганизации женщин-врачей и их профессиональном объединении. Так, казанские женщины-врачи организовали собственное Общество врачей-женщин, а 8 января 1912 г. это объединение открыло лечебницу для приходящих больных в мещанской части Казани (Камско-Волжская..., 1912, 8 января). Лечебница была многопрофильной. Наряду с женщинами-врачами (К.Г. Трубина, Н.И. Кедрова, В.Д. Черноярова, Н.И. Сергеева-Сильченко, С.С. Надель-Пружанская, А.Е. Шулер, Л.А. Никольская-Краузе, Е.Н. Архангельская), в ней работали и мужчины. Делались анализы, прививки, устраивались осмотры кормилиц и т.д. Любопытно, что в коммерческом объявлении все специалисты-женщины были указаны как «д-р», а не официально как «женщина-врач» (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Некоторые публикации в казанских газетах указывают на то, что ряд женщин (предпринимательниц или же общественных деятельниц, благотворительниц) пытались отстаивать личную позицию. Иногда они делали это даже с привлечением прессы. Например, в 1912 г. «Камско-Волжская речь» писала о нескольких случаях, где фигурировали женщины такого типа. В разделе о городских хрониках упоминалась безымянная «арендаторша катка на Черном озере», пытавшаяся убедить городскую управу уменьшить ей арендную плату, т.к. учащимся близлежащих учебных заведений администрация запретила посещение катка, и это отражалось на её прибыли (Камско-Волжская..., 1912, 19 января).

В том же номере разместились заметка о случае известной общественной деятельницы Н.П. Куприяновой. Она занималась организацией бесплатных столовых для крестьян Тетюшского уезда Казанской губернии, пострадавших от неурожая. В благотворительное дело ею были вовлечены местные священники и муллы, врачи, учителя. 4 января 1912 г. женщину вызвали на допрос в Казанское губернское жандармское управление «для допроса в качестве свидетельницы в порядке положения о государственной охране». Н.П. Куприянова была возмущена таким отношением властей и отправила письмо в столичную газету «Речь». Это письмо было пересказано и частично перепечатано казанским изданием: «... Как все это ни неприятно, но раз столовые благополучно существуют и голодные обедают, то личные неприятности в счет не идут. Я сказала жандармскому офицеру, что сообщу о допросе Императорскому вольному экономическому обществу, — писала Н.П. Куприянова. — Он не протестовал, но несколько раз повторил: «Мы вас спрашивали, как свидетельницу!» (Камско-Волжская..., 1912, 19 января).

С похожим текстом выступила в печати другая женщина, тоже занимавшаяся сбором благотворительной помощи голодающим, В.Н. Бекетова. Она

опубликовала письмо-благодарность тем, кто помог ей в этом деле в газете «Казанский телеграф». Но редакционное дополнение её текста ввело в заблуждение читателей, решивших, что из-за «нарушения постановлений» она вынуждена закрыть бесплатную столовую. Женщина обратилась уже в «Камско-Волжскую речь»: «Я имею обширный круг знакомства в деревне с бабами и ребятами, а знакомых кормить не возбраняется никакими законами, – отвечала В.Н. Бекетова во втором письме. – Почему виноватой себя в нарушении постановлений начальства не считаю» (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Вопрос о правах женщин в провинциальной печати озвучивался чаще мужчинами, нежели самими женщинами. Например, именно мужчинами в 1899 г. было инициировано создание «Общества защиты несчастных женщин» в Казани – организации, занимавшейся поддержкой женщин, оставивших занятие проституцией. Например, один из учредителей П.М. Красиков выступал в судебных делах адвокатом женщин, судившихся, к примеру, с бывшими работодателями (Казанский телеграф, 1900, 30 января). Позднее общество было оформлено как «Общество защиты женщин» и действовало на территории всей империи, в том числе в Казани. Женщины сами редко выступали в открытую борьбу с общественностью. Единичные случаи были лишь исключением из правил.

Болезненным в этот период был вопрос о положении женщины в семье, если брак был несчастным. Провинциальная печать затрагивала и эту проблему. В «Камско-Волжской речи» была опубликована статья А. Васильева «Раздельное жительство супругов». Автор рассуждал о неудавшемся новом законопроекте о разводе, который вносился в Государственную Думу, но был отозван. Начались обсуждения законопроекта о «раздельном жительстве супругов»: «Наша брачная жизнь слишком часто и больная, и жестокая, безнравственная – ее закон должен полечить и оздоровить, а без увеличения причин развода и без изменения самых принципов бракоразводного процесса этого сделать нельзя», – заключал автор (Камско-Волжская..., 1912, 8 января).

У мусульман бракоразводный процесс в это время был устроен проще. Религиозные нормы допускали расторжение неудачного брака. Но и такие случаи проходили не всегда гладко. Естественно, редакции казанских газет писали больше о необычных случаях. Например, в 1900 г. издатели обратили внимание на татарскую семейную пару из Казанского уезда. Муж, выступавший против развода, обокрал супругу (перины, украшения и т.п.) в надежде, что она передумает (Казанский телеграф, 1900, 4 октября). При разводе татарки в этот период обращались не только в Оренбургское магометанское духовное управление в Уфе для решения вопроса по шариату, но и в гражданские судебные органы. Особенно если дело касалось опеки над детьми и выплат алиментов. Например, «Казанский телеграф» опубликовал заметку «Иск разведенной жены к мужу о пособии на воспитание ребенка». В публикации рассказывался случай Биби-Газизы Яушевой, состоявшей ранее в браке с Абдрахманом Катеевым. Она требовала алименты на содержание 4-летней дочери, муж в ответ хотел забрать ре-

бенка к себе. Дело сначала рассматривалось в мировом суде, затем передали в Окружной суд (Казанский телеграф, 1900, 28 октября). Яушева была представительницей известной купеческой фамилии, её интересы защищал специальный адвокат. Чаще всего такие дела, демонстрирующие определенную женскую субъектность, после привлечения большого числа свидетелей, решались в пользу женщин.

Женщина-мусульманка

Население Казанской губернии было по составу этноконфессиональным. Татары составляли 31,1% от общего числа жителей. В Казани проживало 28348 татар (Первая всеобщая..., 1904: 5). В просвещенной среде, по сложившейся исторической традиции, Казань воспринималась как «окно на Восток», как город с яркой мусульманской культурой. В этой ориентальной оценке было немало стереотипного, а местным мусульманам приписывались порой не свойственные им качества. Например, ярким трудом, написанным в такой стилистике, является работа врача и ректора Казанского университета К. Фукса о казанских татарах (1844). Научные исследования в этом русле выполнялись во время работы «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Например, супруга казанского городского головы Ольга Лебедева (псевд. Гульнар ханум), посещавшая заседания Общества, в 1899 г. участвовала в конгрессе ориенталистов в Риме (Каримуллин, 1977). Там она сделала два доклада по истории казанских татар и о положении мусульманских женщин. Интерес к татарам-мусульманам прослеживается и в материалах периодической печати Казани второй половины XIX – начала XX вв.

Заметки, где упоминались татары, в том числе женщины, появлялись в газетах регулярно. Чаще всего они были связаны с судебными органами власти: в сообщениях из зала судебного заседания или в других хрониках, где, как правило, не делали различий между народами и конфессиями, акцентируя внимание лишь на месте жительства и сословной принадлежности фигуранта дела.

Мусульманская идентичность героя или героини подчеркивались в материалах другого типа – в специальных корреспонденциях или рубрике. Например, в «Казанском телеграфе» была колонка «Из мусульманского мира». Издательница газеты Александра Григорьевна Ильяшенко планировала учредить отдельную газету «Мусульманский телеграф», но не получила разрешения (ГАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107. Л. 1). В рубрике часто печатались короткие сообщения об успехах народного просвещения, благотворительности и другая информация. Иногда это были перепечатки из других газет. В целом, сведения из этой колонки были связаны с интересами образованных слоев татарского общества.

Очевидно, что внимание русской прессы к российскому исламу обратил крымскотатарский издатель и редактор Исмаил Гаспринский. Он был автором труда о «Русском мусульманстве» (1881). Кроме того, в его газете «Тарджеман», издаваемой в Бахчисарае с 1883 г., была и русскоязычная часть. Газету читали по всей Российской империи, особенно в Волго-Уральском регионе.

В 1891 г. «Казанский биржевой листок» перепечатал из «Петербургского листка» материал под названием «Магометанка, изучившая медицину». Речь шла о «юной мусульманке» Разие Кутлуяровой, учившейся в школе лекарьских помощников и фельдшерниц Санкт-Петербургского дамского лазарета комитета Российского Красного креста. «С умным, выразительным лицом, Разыя-ханум производит приятное впечатление и она смело может рассчитывать на хороший прием среди стыдливых правоверных соплеменниц» (Казанский биржевой..., 1891, 19 июня).

Публикация повторяла стиль «Тарджемана». Через несколько лет об этой же татарке, уроженке Касимова, в 1893 г. написал «Казанский телеграф». В короткой заметке говорилось, что «Биби-Радия Кутлуярова выехала из Петербурга на место своего служения», подчеркивалось, что она «первая женщина-врач», а проводила её на вокзале целая группа «учащейся мусульманской молодежи» (Казанский телеграф, 1893, 13 октября). Очевидно, что корреспондентом русской газеты в этом случае выступал какой-то татарин или татарка, передавшие эту частную новость в публичное информационное пространство.

В рубрике встречались официальные новости. Например, в 1895 г. газета написала о «высочайшем приеме трех оренбургских мусульманских дам» Хадиче Дивишевой, Ширинбану и Мефтухе Хусаиновых. 21 января 1895 г. они встретились с императором Николаем II, Марией Федоровной и Александрой Федоровной. В честь коронации женщины подарили императрице оренбургский пуховый платок тонкой работы и татарский наряд (национальный костюм) (Казанский телеграф, 1895, 1 февраля).

В газетных материалах поддерживался образ мусульманки, ограниченной в правах и находящейся из-за этого в крайне невыгодном положении в семье и обществе. Сообщения о татарах Казани усиливали эту оценку. В 1900 г. «Казанский телеграф» писал о том, что «громадное большинство мусульманок и руками, и ногами отмахивается при простом даже намеке на участие в спектаклях. В Казани, например, едва ли найдется десяток представительниц прекрасного пола из мусульманок, которые согласились бы публично выступить на сцене» (Казанский телеграф, 1900, 20 января).

В 1903 г. анонимный автор статьи в «Казанском телеграфе» сетовал на то, что мусульманок «не заманить в театр» и им еще предстоит подняться «до должной высоты культурного развития, никакими ложами их не заманить в театр» (Амирханов, 2004: 511). Речь шла о русском театре. Несколько лет спустя в Казани начнут ставить татарские спектакли, где играли женщины, начала делать первые шаги знаменитая актриса Сахипжамал Гиззатуллина-Волжская. В печати же акцентировали внимание на сопротивлении новому явлению небольшому числу татар, в том числе с помощью описания мелких происшествий. Так, в 1907 г. «Казанский телеграф» привел спор двух татар в чайной, дошедшего до мирового суда. Причиной инцидента стали слова одного из фигурантов, заявившего, что жена его оппонента Латыпова «ходит в театр и гуляет с посторонними мужчинами под ручку». Между тем, выяснилось, что жена Ла-

типова вовсе не выходит из дома, т.к. она уже четыре года больна. Ответчик потом объяснялся в суде, что во время того разговора он имел в виду мусульманскую женщину в целом, которой запрещены походы в театр и нельзя показывать лицо посторонним мужчинам. Суд оправдал обвиняемого, а газета поместила этот случай под заголовком «На почве толкования Корана» (Казанский телеграф, 1907, 30 ноября).

В заметке «Дорогу мусульманке» в газете «Казанский телеграф» в 1905 г. высоко оценивалась деятельность Мусульманского благотворительного общества Казани, члены которого финансово поддерживали ученицу-мусульманку Родионовского института благородных девиц. «Необходимо оказать поддержку и другим мусульманкам, не имеющим возможности получить ни первоначального, ни среднего образования, не говоря уже о высшем», – сетовал автор. – Поддержка эта может быть в оказании нравственного воздействия почтенных мусульман на родителей, мешающих и всячески противодействующих дочерям в их стремлении получить образование» (Амирханов, 2004: 43).

Газеты иногда противоречили сами себе. Например, в одной из заметок о медицинском обслуживании татарского населения Казани в 1893 г. можно прочитать о том, что амбулатории думских врачей особенно часто посещали татарки («из громадной цифры принятых им больных самая значительная часть падает именно на татарок») (Казанский телеграф, 1893, 2 июля). Тогда же в 1901 г. в «Казанском телеграфе» была заметка об открытии в Казани татарской женской школы. Газета подчеркивала, что это первая начальная школа для татарских девочек в Казанском учебном округе, в Оренбургском же округе таких много (Амирханов, 2004: 503). На самом деле речь шла о русско-татарской женской школе. Даже в Казани в это время уже работали частные татарские школы для девочек, а в последней четверти XIX в. открывались и русско-татарские женские школы. В данном случае редакция газеты публиковала не совсем достоверную информацию.

Образ о трудном положении мусульманской женщины мог поддерживаться небольшими сообщениями о повседневной жизни. Например, «Волжский курьер» в 1906 г. опубликовал заметку «Заявление татарок», где говорилось об обращении группы татарских женщин в Казанскую городскую Думу с просьбой назначить им для посещения отдельные два дня в неделю. Они просили, чтобы в эти дни мужчин не пускали в библиотеку (Амирханов, 2004: 524). Такая практика, создающая комфортные условия для женщин, встречалась и в других городах, где проживали татары-мусульмане (например, в Уфе, Троицке). Аналогичными соображениями руководствовались инициаторы открытия отдельного родовспомогательного заведения для мусульманок в Казани. Он устраивался как филиал городской больницы и поддерживался Мусульманским благотворительным обществом Казани. Безусловно, торжественное открытие учреждения, где присутствовали первые лица губернии и города, привлекло внимание и местной печати (Камско-Волжская..., 1912, 25 января).

Женщина как объект просвещения

Развитие женского образования рассматривалось как продолжение «женского вопроса». В провинциальной печати определенное внимание уделялось фактам об открытии женских школ, различных курсов, внешкольном досуге как элементах всестороннего развития личности. В это время набирали популярность экскурсии для учениц женских учебных заведений, про некоторые из них писали даже в газетах. Сами ученицы могли через прессу выразить благодарность организаторам, учебной администрации. Так, слушательницы Казанских высших женских курсов через «Камско-Волжскую речь» благодарили своих преподавательниц за организацию экскурсионной поездки в столичные города: «Позвольте чрез посредство Вашей уважаемой газеты выразить искреннюю благодарность руководительницам экскурсии казанских курсисток в Петербург и Москву – Татьяне Васильевне Смирновой, Лидии Капитоновне Безсоновой и Анне Алексеевне Киселевой за их труды в деле руководства и внимание к интересам экскурсанток», – писали они в 1912 г. (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Казанские высшие женские курсы были предметом особой гордости для образованной публики Казани и губернии. Впервые они открылись в 1876 г. и работали до 1884 г., после долгого перерыва курсы начали функционировать вновь в период первой русской революции и открылись 23 октября 1906 г. (Амирханов, 2004: 527).

Газеты писали об учебных программах, приводили школьную и университетскую статистику, публиковали отчеты учебных заведений, в том числе финансовые. Например, в Казанском университете в начале 1912 г. числилось 17 вольнослушательниц, из них 6 обучались на отделении естественных наук физико-математического факультета, 4 – юридическом факультете, 7 – медицинском. Кроме того, 62 человека получали образование в «повивальном институте» (курсы акушеров) при университете (Камско-Волжская..., 1912, 20 января).

Число слушательниц Казанских высших женских курсов в 1910–1911 учебном году составляло 970 человек. Больше всего среди них было представительниц православного духовенства – 291 человек, чиновников – 166 человек, к мещанскому сословию относили себя 149 человек, крестьянскому – 108 человек, купеческим семьям – 39 человек, к личным и потомственным дворянкам – 32 человека, личным и потомственным гражданам – 21 человек. Было много слушательниц из семей разночинцев. Так 59 человек указаны как жены студентов, 22 – офицеров (в том числе дочери), 21 – врачей, 20 – учителей, 13 – нижних чинов, 12 – преподавателей университета, 6 – фельдшеров, цеховых – 6, присяжных поверенных – 3, землевладельцев – 1, провизоров – 1. Большую часть слушательниц составляли православные (921 человек). На курсах обучались старообрядки (24 человека), иудейки (13 человек), протестантки (6 человек), мусульманки (3 человека), католички (2 человека) и армянка (1 человек).

В этом же отчете имелся большой фрагмент о преподавательском составе высших женских курсов и денежных капиталах, расходах и доходах нового учебного заведения (Камско-Волжская..., 1912, 4 января).

6 мая 1914 г. «Камско-Волжская речь» сообщила об идее организации в Казани высших женских физико-математических курсов. Инициатором было «Общество естествоиспытателей при Казанском университете», которое планировало пустить средства, собранные от публичных лекций, на организацию постоянных женских курсов. К тому времени состоялось 10 платных лекций, которые дали организаторам сбор до 2300 руб. В среднем каждую лекцию посещало около 500 человек. «Цифра довольно значительная, особенно, если принять во внимание, что лекционный период совпал с сезоном театральных зрелищ, концертов, выступлений приезжих лекторов и т.п.», – резюмировала газета (Камско-Волжская..., 1914, 6 мая).

Рост интереса к женскому просвещению и появление новых возможностей для профессионального развития можно проследить в разделе с газетными объявлениями. Например, учениц набирали через объявления Казанской частной фельдшерско-акушерской школы, о классе обучения и переписки на пишущих машинках Л.С. Сунгуровой, о курсах по бухгалтерии, о разных школах кройки и шитья и о других центрах женского просвещения.

В заметках часто подчеркивалось, что дело женского просвещения еще требует развития и есть, например, чему учиться либо у других регионов России, либо у зарубежных городов. Так, «Казанский телеграф» в 1895 г. поместил заметку «Успехи высшего образования женщин в Англии», источником которой послужила публикация в «Педагогических ведомостях». В ней говорилось о доступности английским женщинам разных учебных заведений, об отдельном женском университете и сети женских колледжей при университетах (Казанский телеграф, 1895, 11 апреля).

Обращает на себя внимание, что в разнообразных публикациях о женских школах или курсах в большей степени сообщалось об учреждениях. Основные действующие лица учебного процесса – ученицы и учительницы – оставались за рамками газетных сообщений. Женщина как личность могла упоминаться, например, в сообщениях о благотворительных сборах в её пользу. «...помогите бедной девушке, которая по расстроенному здоровью должна была оставить место помощницы сельской учительницы в селе Шапшах Казанского уезда, – сообщал «Казанский телеграф» в 1895 г. – Теперь она в земской больнице, где после опасной операции ее возвратили к жизни, но продолжать эту «жизнь» по выходе из больницы, ей негде и не на что». Сбор предназначался Антонине Годфридовне Беме. Средства собирались прямо в редакции газеты (деньгами или одеждой) (Казанский телеграф, 1895, 11 апреля). Исключением могли быть публикации о выпускнице какого-то учебного заведения. Например, упомянутые выше заметки о Б-Р. Кутуляровой.

* * *

Анализ русскоязычной прессы Казанской губернии показывает, что в это время периодические издания конструировали противоречивый образ женщины. С одной стороны, он был привязан к её социальному происхождению, с другой, буржуазное развитие общества нивелировало этноконфессиональные и сословные границы. Существующие различия маркировались по другим, внешним признакам. Таким способом в обществе проводилась грань между «дамами» и другими женщинами. Для «дам» предназначалась многочисленная «модная» продукция, активно рекламируемая в газетах. «Дама» была олицетворением показной женственности и такого же успеха в разных сферах жизни. Она покупала наряды и аксессуары, могла быть представлена императорской семье, занималась благотворительностью. При этом в газетах «дамские товары» соседствовали с «дамскими лазаретами», а «солидная мусульманская дама» из городских хроник с «дамой-французенкой» из объявлений о поиске работы. Последняя была скорее фигурой речи, для усиления эффекта объявления. В трудовой сфере «дамы» являлись исключением, это были лишь женщины интеллигентных профессий и простые работницы (домашняя прислуга, фабрично-заводские работницы). Газетные материалы иллюстрируют широкий спектр трудовой занятости женщин Казанской губернии: от традиционных «женских» занятий (уход за детьми и больными, работа в сфере услуг) до новых профессий (дантист, бухгалтер, машинистка, агроном). В это время наметилась тенденция по созданию профессиональных союзов (например, Общество женщин-врачей Казани) и других объединений для защиты прав женщин, содействия их трудовой занятости.

Газетные хроники социальной девиации (кражи, нелегальная торговля, самоубийства) ассоциировались с непривилегированными слоями общества. В публикациях фигурировали женщины разного социального происхождения. Женщины могли быть как обвиняемыми в преступлениях, так и потерпевшими. Среди последних нередко встречались собственницы имущества. Такие судебные разбирательства указывают на то, что женщины выступали активными субъектами экономических и правовых отношений. Но в данной группе газетных сообщений практически не употреблялось обозначение «дама». Так редко называли женщин, настроенных на борьбу с обществом или властью. Например, в казанских газетах за изучаемый период героинями такого рода публикаций были женщины-врачи, благотворительницы (или организаторы благотворительных сборов). Очевидно, их профессиональная занятость и общественная работа были трудно сопоставимы с образом «дамы» (по умолчанию, «рабыни моды»). Это были уже женщины «нового» типа. «Женский вопрос» поднимался в газетах чаще мужчинами, нежели самими женщинами. Голос женщины фиксировали редкие «письма в редакцию». Женская субъектность находила отражение в семейно-бытовых делах, о которых иногда писали газеты. Это могли быть описания бракоразводных процессов, инициированных татарками-мусульманками.

Отдельно необходимо выделить конструируемый русскоязычными газетами Казанской губернии образ мусульманской женщины, который мало отличался от оптики ориенталистов той эпохи. В публикациях такого типа, объединенных в специальной рубрике, подчеркивалось трудное положение мусульманок в семье и обществе, отсутствие возможностей для их «культурного развития». Между тем, сообщения о новых социальных инициативах в татарском сообществе (открытие школы и больниц, деятельность благотворительного общества) демонстрировали наметившиеся изменения по модернизации традиционных установок и влияние общеимперской культуры на инородцев. Русскоязычная периодическая печать показывала таким образом свое представление о мире «мусульманства». Татарская пресса Казанской губернии обращала внимание на схожие проблемы, объединенные концептом «просвещение и прогресс», но ставила акценты по-другому, но анализ татарских газет и журналов выходит за рамки нашего исследования.

Несмотря на внимание к вопросам женского просвещения в прессе, по этим материалам трудно вычленил образ просвещенной женщины. В газетах публиковались разнообразные отчеты (школьная статистика, доходы и расходы учебных заведений), информация об учебной программе, заметки о внешкольной жизни (ёлки, экскурсии), объявления о приеме, но практически не встречались статьи об отдельных ученицах как о состоявшихся личностях или об их достижениях. Все это скрывалось за общей статистикой. Выпускниц женских учебных заведений в газетах не представлялись как пример для общества. Практически отсутствовали газетные заметки, написанные ими самими. Все это указывает на то, что женщина оставалась скорее объектом просвещения и данные газеты (за исключением рекламы или специальных рубрик) не выпячивали их самостоятельность в этой области.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У. Амирханова. Казань: Магариф, 2004.

Волжский вестник. 1894. 3 августа.

Волжский вестник. 1905. 10 ноября.

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107.

ГА РТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2205.

ГА РТ. Ф. 390. Оп. 2. Д. 366.

ГА РТ. Ф. 390. Оп. 2. Д. 477.

ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 19.

Казанский биржевой листок (1887). 10 января.

Казанский биржевой листок (1887). 23 апреля.
Казанский биржевой листок (1887). 2 мая.
Казанский биржевой листок (1887). 19 июля.
Казанский биржевой листок (1890). 6 ноября.
Казанский биржевой листок (1891). 19 июня.
Казанский биржевой листок (1891). 11 октября.
Казанский биржевой листок (1892). 31 января.
Казанский телеграф (1893). 2 июля.
Казанский телеграф (1893). 13 октября.
Казанский телеграф (1893). 17 ноября.
Казанский телеграф (1895). 1 февраля.
Казанский телеграф (1895). 2 апреля.
Казанский телеграф (1895). 7 апреля.
Казанский телеграф (1895). 9 апреля.
Казанский телеграф (1895). 11 апреля.
Казанский телеграф (1895е). 14 апреля.
Казанский телеграф (1900). 20 января.
Казанский телеграф (1900). 30 января.
Казанский телеграф (1900). 25 марта.
Казанский телеграф (1900). 15 июня.
Казанский телеграф (1900). 4 октября.
Казанский телеграф (1900). 28 октября.
Казанский телеграф (1907). 30 ноября.
Камско-Волжская речь (1912). 4 января.
Камско-Волжская речь (1912). 8 января.
Камско-Волжская речь (1912). 10 января.
Камско-Волжская речь (1912). 13 января.
Камско-Волжская речь (1912). 15 января.
Камско-Волжская речь (1912). 19 января.
Камско-Волжская речь (1912). 20 января.
Камско-Волжская речь (1912). 22 января.
Камско-Волжская речь (1912). 24 января.
Камско-Волжская речь (1912). 25 января.
Камско-Волжская речь (1913). 4 января.
Камско-Волжская речь (1913). 12 января.
Камско-Волжская речь (1913). 7 мая.
Камско-Волжская речь (1914). 6 мая.
Камско-Волжская речь (1914). 7 декабря (экстренный выпуск).

XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыйнагы) / төз. *Л.Р. Мортазина, А.Ә. Зиннәтуллина*. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2020.

Первая всеобщая перепись населения. Казанская губерния. Казань: Типография «Слово», 1904.

Фәхреддин Р.Ф. Балаларга нәсыйхәт. Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006.

ЛИТЕРАТУРА

История Казани: В 2 томах (Т. 1) / под ред. Я.А. Абдуллина. Казань: Татарское книжное издательство, 1988.

Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З. Пресса Казани XIX – XXI в. Казань: Издательство Института татарской энциклопедии, 2016.

Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко // Русская линия. 2009. 12 марта. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922> (дата обращения: 4.05.2025).

Ежова С.А. Дни Белого цветка в Казани: благотворительный праздник начала XX в. как опыт социально-культурного взаимодействия // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 2. С. 6–25.

Каримуллин А.Г. О.С. Лебедева – «Гульнар-ханум» // Народы Азии и Африки. 1977. № 3. С. 146–152.

Насыров Т.М. Камско-Волжская речь // Татарская энциклопедия / под ред. М.Х. Хасанова. Т. 2. Казань: Издательство Института татарской энциклопедии, 2006. С. 211.

Шабалина С.С. Досуговая повседневность провинциальных горожанок Казанской и Вятской губерний на рубеже XIX – начала XX века: балы, маскарады, танцевальные вечера // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. С. 87–93. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2024.3.69978>

REFERENCES

Aynutdinov R.A., Gilazev Z.Z. (2016). *Print media of Kazan 19th – 21st centuries*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia Publ. (In Russ.)

Alekseev I.E. (2009). Flagship of the right-wing Kazan periodicals: The newspaper “Kazan Telegraph” and its editor N.A. Ilyashenko. *Russkaya liniya* [Russian line]. March 12. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922> (accessed: 4.05.2025) (In Russ.)

Ezhova S.A. (2019) White Flower Days in Kazan: a charitable event of the early 20th century as a sociocultural interaction experience. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 2: 6–25. (In Russ.)

History of Kazan (1988). Vol.1. Ed. Abdullin Ya.A. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Karimullin A.G. (1977) O.S. Lebedeva – "Gulnar Khanum". *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. No. 3: 146–152. (In Russ.)

Nasyrov T.M. (2006). The Kama-Volga speech. In: *The Tatar Encyclopedia*. M.Kh. Khasanov (ed.). Vol. 2: 211. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia Publ. (In Russ.)

Shabalina S.S. (2024). Daily leisure activities of provincial townspeople of the Kazan and Vyatka provinces at the turn of the 19th – early 20th century: balls, masquerades, dance evenings. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies]. No. 3: 87–93. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2024.3.69978> (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrafiyeva, Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Elena V. Mironova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 7.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised 27.06.2025

Принята к публикации / Accepted 6.07.2025